

Третий «слой» значения также приобретают не все псевдотопонимы. Обозначают название территории Онон и Ульча. Это говорит об особой значимости этих объектов для поэтической картины мира Д. Ревякина. На ревякинской «карте» они напрямую связаны (Онон протекает в поясе Ульчи), «ононцы» для Д. Ревякина – это «ульчане-воины» (остальные ульчане, судя по всему, рыбаки и охотники).

Таким образом построенный мир до известной степени замкнут (лучшие герои Ревякина не покидают пояс Ульчи, не выходят к реальным географическим объектам (Оке, Лене, Енисею) – разве что в исключительных ситуациях (инициация, уход умирать)), его не пересекают «реальные» реки (они существуют рядом, параллельно), в него не могут проникнуть персонажи, не живущие любовью, честью и уважением («щербатящиеся лица» из песни «...смеялись дети», охотники с «закрытым усмехом» из «Торопятся взгляды» и др.). Псевдотопонимы ограничивают его, превращая в идеальное, «героическое» пространство, воплощая мечту автора о «рае на земле», где будут царить благородство, честь и любовь.

Литература:

- 1.Максимов П. Калинов мост. Ростов-на-Дону, 2001.
- 2.Лодыгин К. Небо ждет. [электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://km.untitled.ru/press/lodygin01.htm>
- 3.Курий С. Сибирский марш. [электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://km.untitled.ru/press/2-3-2003.htm>

Фёдорова К. Л.

Научный руководитель Е. А. Коршкова

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры английской филологии

КГУ, Курган

МЕДИТАТИВНОСТЬ ЛИРИКИ ИРИНЫ АНИСИМОВОЙ: ОБРАЗЫ ЗАУРАЛЬСКОЙ ПРИРОДЫ

В настоящее время проблема исследования литературного наследия поэтов различных регионов страны очень актуальна. Гордость Зауралья составляют поэты Антонина Баева, Алексей Еранцев, Владимир Дягилев. Их творческий путь детально прослежен в ряде публицистических и критических работ: М. Янко «Строки крутого замеса» (газета «Советское Зауралье», 14 мая 1982 г.), Ю. Никишов «Звезда Алексея Еранцева» (Тверь, 2007 г.), Л. Сергеева «Сын Зауралья» (газета «Трудовая слава», 6 апреля, 1996 г.) и мн. др.

Необыкновенной лёгкостью и в то же время проникновенной глубиной выделяются стихи Ирины Анисимовой.

К сожалению, творчество этой поэтессы мало изучено. Тематика её произведений обширна: от поэзии гражданского звучания до пейзажно – философских зарисовок. Цель нашего исследования – рассмотреть медитативное начало лирики Анисимовой, воплощённое в образах зауральской природы. Предметом анализа стали поэтические сборники Анисимовой: «Иду к тебе», «Светотень» и «Какая радость – радость подарить».

Судьба всегда оказывает существенное влияние на внутренние переживания поэта, и это определённым образом отражается в водоёме поэтического мира. И у каждого этот водоём свой: у кого – то хрустальное озеро с белыми лебедями, у кого – то иссиня – изумрудный омут. А у зауральской поэтессы Ирины Анисимовой творческий мир, как и сам жизненный путь, - непокорная бушующая стихия. И каждый миг бытия – это вечная борьба.

Бывают судьбы – не идёт человек по жизни, а летит: легко, свободно, уверенно. А оглянется – и вспомнить нечего. А бывает, как у И. Анисимовой, каждый шаг даётся с огромным трудом и воспринимается как победа. В начале третьего курса Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта студенческую группу Ирины послали в совхоз на уборку моркови. Был «грибной» субботний день. Поезд оказался забит народом. В тамбуре не хватило места, и Ирина ехала на площадке между двумя вагонами, не обращая внимания на сквозняк, холодными щупальцами цепко охвативший её спину. Через несколько дней девушка попала в больницу с воспалением спинного мозга. Это означало потерю движения. Вскоре от действия антибиотиков наступила полная глухота. Болезнь не коснулась рук, но ни сидеть, ни даже повернуться самостоятельно на бок Ирина не могла. От горя отвлекали родные и, конечно, книги. Ирина стала писать. Вскоре у неё накопилась уже целая тетрадка стихов. К тому времени невероятным усилием воли Ирина Анисимова всё же встала на ноги и передвигалась при помощи двух тросточек. В конце лета 1974 – го она узнала о существовании в Москве Всероссийского литературного объединения глухих «Камертон». Отправила туда свои стихи – и получила восторженный отклик.

Ирина Анисимова – член Союза писателей России, автор трёх поэтических сборников. Её поэзия – это слово твёрдого, мужественного человека. Пространство и время остановились в её микромире, где нет суеты, толкотни на жизненном базаре, где нет места лжи и корысти. Она видит окружающую действительность глазами наивной 19 – летней девочки, какой она потеряла слух и вылетела за пределы динамично меняющегося мира. Эта категория ушла для неё не в небытие, а в вечность. И посему её образы предельно кристальны, почти идеальны. Особенно ярко это проявляется в образах природы Зауралья, связь с которой поэтесса

особенно сильно ощущает.

Картины природы в стихах Анисимовой выполняют следующие эстетические функции:

- 1) устанавливают кровную связь с детством, некую преемственность поколений, выражающуюся в созерцании природы, любовании ею;
- 2) раскрывают философские глубины во время мирозерцания, постигают смысл жизни, а именно такую важную категорию, как время;
- 3) являются символами, концентрирующими представление о бытии.

Красота зауральской природы, её скромная палитра красок, но в то же время манящая прелесть и таинственность нашли воплощение в ряде стихотворений И. Анисимовой. Широта и открытость русской души, безграничная привязанность и любовь к каждой травинке, каждому цветку родной природы особенно ярко отразились в стихотворении «Убежать бы в русское поле»:

Убежать бы в русское поле
в платье лёгоньком ситцевом,
где под ветром стремительным, вольным
золотистая рожь колосится.
Убежать бы в русское поле!
Очутиться б в зелёном лесу,
когда солнце ласкать его будет,
когда птицы птенцов своих будят
и травинки роняют росу.
Очутиться б в зелёном лесу!..

(сб. «Иду к тебе», с. 44)

В лирических строках поэтессы нередко прослеживается порой очень смелая и неожиданная персонификация сил природы («сентябрь возвратится», «пробежится», «постучится»; «мир насторожен в строгом ожиданье»; роса «от крылечка зовёт и меня./ И снова о счастье своём говорит,/ И счастье на целый часок мне сулит»; «зимний ветер уносится в поле,/ То бунтует, то плачет на воле»), которые словно говорят с созерцателем, давая ему надежду на лучшее, заряжая его энергией и оптимизмом. Погруженная в таинство мира, лирическая героиня словно получает откровение свыше, становясь частью универсума:

Преддождевая льётся тишина.
Мир насторожен в строгом ожиданье.
И кажется: я в этот миг должна
Принять с небес особое заданье.
Увидеть и запомнить птичий лёт,

Исчезновение бабочек, букашек...
И как соседка весело сорвёт
С верёвки сразу дюжину рубашек.
Заплещет дождик – подрастёт горох,
Вдохнуть озона с клёном, васильками...
Продратся быстро сквозь чертополох
С крапивой обожжёнными ногами!
Любое лето – в жизни только раз,
Пусть в стихах хоть сотни раз воспето.
Смелей, пацан! Лови мгновения лета.
И будь на удаль дьявольски горазд.
А ты стоишь – и всё-таки идёшь.
С невыразимой грустью постигая,
Что жизнь – необъяснимая такая,
Хотя до неба – только этот дождь.

(сб. «Светотень», с. 19)

В пейзажных стихотворениях И. Анисимовой скрыта имплицитная информация о такой важной бытийно-образующей категории, как время. Оно занимает отнюдь не периферийное место в творчестве поэтессы. Порой сокровенный смысл не виден при беглом взгляде, но проникающая чувствительность поэтессы выводит на поверхность очевидную истину. Например, немного в стороне от общего творчества поэтессы стоит лирическое произведение «Время моё», ритмически пульсирующее как бы изнутри без внешней видимой рифмы, что придаёт стихотворению удивительную самобытность. «Время моё» наполнено лирической экспрессией, проявляющейся в подборе слов, синтаксисе, иносказании и, главное, в ритмическом построении поэтического текста. На первый план в стихотворении выдвигаются «семантико-фонетические эффекты» [8, 84] в их неразрывной связи с напряжённо-динамичной ритмикой:

Время моё
имеет странное свойство:
то и дело,
как ящерка,
отбрасывает свой хвост –
длиной то в три – четыре года,
то в тридцать – сорок лет.
То перед кустами мальвы,

двойниками тех,
что росли в палисаднике бабушки,
то перед подснежниками,
которые ты так любила дарить,
то перед стихами Рубцова,
то перед иконой Рублёва.
Непреклонно оно
лишь перед зеркалами,
аккуратно проявляя –
усердный фотограф!-
все морщинки – сединки,
пока не явится вновь
какой-то образ из детства,
излучающий свет.
Отступает – мгновенно,
оставив часть своего хвоста
где-нибудь в старом
цветочном горшке
из-под засохшей герани.

(сб. «Светотень», с. 22)

Образы природы в лирике поэтессы глубоко символичны. Так, снег как многозначный символ бесконечно глубок и заслуживает, на наш взгляд, отдельного внимания. Символизм Анисимовой во многом роднит её поэзию с лирикой С.Есенина и А.Блока. Как писал А.Ф.Лосев, «... символ не указывает на какую-то действительность, но есть сама эта действительность. Он не обозначает на какие-то вещи, но сам есть эта явленная и обозначенная вещь. Он ничего не означает такого, чем бы он сам не был. То, что он сам обозначает, и есть он сам; и то, что он есть сам по себе, то он и обозначает » [9, 876]. Символизм для поэтессы является универсальным мироотношением, он обнаруживается и в обыденных переживаниях, и в самом глубоком, самом фундаментальном восприятии мира. То есть, по Лосеву, символизм есть точка зрения, при которой действительность духовно осваивается, при которой важны, прежде всего, смыслы. Ярким в многогранности смысловых оттенков является символ снега, который можно трактовать неоднозначно. С одной стороны, это символ зрелого возраста, самого пика жизни («Как красив на кудрях этот снег!...»), «И нет на сердце больше снега, хоть много снега на висках...»), а с другой – снег –

это абстракция, вызывающая в памяти воспоминания о первой любви. И в этом смысле снег равнозначен другому символу «первый снег», снегу надежды, искренности и чистоты чувств. Милый студенческий наш городок.

Свет фонарей, легкокрылый снежок...

Мягко заснеженный мой воротник.

Ты не шути в этом свете возник.

(сб. «Светотень», с.33)

Традиционно, в народных представлениях, снег, зима, несущие мрак и холод, - период смерти природы, смятения и холода в душе героя. А в лирике И.Анисимовой снег, хоть он, на первый взгляд, совсем «обыденный», несёт омолаживающий, бодрящий заряд, который даёт недвусмысленную надежду на скорое счастье:

И неделю, словно в некоем карантине,

Снег обыденный, привычный нам, летел,

И в знакомой, незагадочной картине

Неожиданно весь день помолодел. <...>

И внезапно словно юность возвратилась,

И, ни капли не вводя меня в обман,

Не снежинка на рукав мне опустилась,

А испытанный, надёжный талисман.

(сб. «Светотень», с. 32)

Таким образом, рассмотрев в лирике Ирины Анисимовой образы зауральской природы, мы пришли к выводу о том, что они выполняют важные эстетические функции, помогая раскрыть яркое медитативное начало поэзии и постичь глубокий философский смысл, зашифрованный в пейзажных зарисовках.

Литература:

1. Анисимова И. И. Иду к тебе/ И. И. Анисимова. - Курган: Реформа, 1995. – 136 с.
2. Анисимова И. И. Радость подарить/ И. И. Анисимова. – Куртамыш: ГУП «Куртамышская типография», 2003. – 75 с.
3. Анисимова И. Бегут тропинкой светотени: стихи/ И. Анисимова// Сибирский край. – 2005. – Вып.12. –С.2.
4. Анисимова И. Светотень/ И. И. Анисимова. – Москва: Загрой, 2001. – 52 с.
5. Белоусов А. Светотень/ А. Белоусов// Новый мир (г. Курган). – 2002. – 15 мая. – С. 4.
6. Введение в литературоведение. Учебное пособие/ Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др./ под ред. Л.В. Чернец, изд. 2-ое, М.: Высшая школа, 2004, 680 с.
7. Исаев И. И празднует душа – рождение!/ И. И. Анисимова. Светотень: книга стихов. – М.:

Загрей, 2001. – 52 с.

8. Ларин Б.А. О лирике как разновидности художественной речи (семантические этюды)//

Ларин Б.А.

Эстетика слова и язык писателя: Избр. статьи. Л., 1974.

9. А.Ф. Лосев. Бытие. Имя. Космос// Составитель и редактор А.А. Тахо - Годи, М.: Мысль, 1993, с. 876).

10. Никишов Ю. М. Звезда Алексея Еранцева/ Ю. М. Никишов. - Тверь: Научная книга, 2007. – 193 с.

11. Янко М. Строки крутого замеса. – Советское Зауралье, 1982, 14 мая.

12. Медведева М. Л. Символизм А. Ф. Лосева, www.eunnet.net. София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии Выпуск 7, 2005 г.

Цыпуштанова М.А.

Научный руководитель: В.В. Химич;

доктор филологических наук, профессор

УрГУ, Екатеринбург

ГОГОЛЕВСКИЙ ТЕКСТ В ДРАМАТУРГИИ НИНЫ САДУР

Обращение писателей к классическим произведениям и их творческая трансформация является устойчивой традицией русской литературы. Но в постмодернистской литературе последней трети XX века эта устремленность чрезвычайно активизировалась, вызвав интерес со стороны исследователей. В театральной среде большой популярностью стали пользоваться инсценировки адаптированных к современности классических текстов. Среди наиболее известных можно назвать такие пьесы как "Смерть Ильи Ильича" М. Угарова, созданную на основе романа «Обломов», "Чайка" Б. Акунина, "Поспели вишни в саду у дяди Вани" В. Забалуева и А. Зензинова, «Тройкасемеркатуз» Н. Коляды по сюжету «Пиковой дамы» Пушкина и др. И в ряде этих инсценировок нельзя не отметить талантливые работы Нины Садур – пьесу, написанную по мотивам произведений Лермонтова «Памяти Печорина», а также гоголевские пьесы «Панночка» и «Брат Чичиков».

Востребованность инсценировок классического наследия в театральной практике вызывает ряд бурных дискуссий, где ставятся вопросы о причинах обращения современных драматургов к классике, их устремлениях обновить традиционный текст, воссоздать, переосмыслить, развить или обыграть его на уровне сюжета, идеи, проблематики, героев или же, напротив, сохранить главные смыслы произведения. Малоисследованными остаются